

Е. ВЛАДИМИРОВИЧ

А. Ф. Керенский — народный министр

I

Керенский

Когда мирная жизнь народов, повинувшись незримому ходу исторических законов, выходит из своих берегов — на гребне пенящихся волн взбаламученного моря показываются люди, имена которых впоследствии с любовью и гордостью хранит народная память. Великая русская революция создала уже человека, так тесно слившегося с ней, что не разберешь подчас: он ли ведет события, события ли ведут его. Это — Александр Федорович Керенский, первая любовь свободной России, гражданин отменивший смертную казнь, вождь «батальонов смерти». С ним были наши восторги первых прекрасных дней марта, когда торжествующая колесница русской революции, казалось, нашла по ровной дороге «Liberté, Égalité, Fraternité». С ним были наши надежды в темные дни апреля и июня, когда к молодой свободе тянулись со всех сторон руки бывших городских, немецких наемников и просто русских дураков.

Об этом человеке, так тесно связавшем свое имя с судьбой русского народа, русский народ знает мало. Его жизнь, его работа до того момента, когда он стал во главе русской революции, мало кому неизвестны. Ниже мы даем краткий биографический очерк А. Ф. Керенского и наброски о его революционной деятельности. Эта деятельность стала уже достоянием истории. О ней будут через десятки и сотни лет писать книги, монографии и исследования. Для того, чтобы охватить умственным взором величественные события и фигуры, мы должны отойти от них на много лет. Сейчас можно нарисовать только профиль того, чей портрет нарисует история.

<...>

VII 27 февраля 1917

25 февраля Николай Романов «повелеть соизволил» распустить Государственную думу. Население Петрограда ответило на этот акт вооруженным восстанием. 26 февраля и утром 27-го толпы рабочих ходили по улицам с революционными знаменами. Жандармы и городовые, засев на крышах и чердаках, обдавали народ ливнем пулеметных и ружейных выстрелов¹. В Таврическом дворце происходило экстренное заседание Совета старейшин Государственной думы, обсуждавшее вопрос — подчиниться или не подчиниться указу Николая. После горячей речи Керенского решено было депутатам не расходиться, а оставаться на своих местах.

Положение было невыносимо острым. Россия ходила на грани пропасти, в которую она неминуемо должна была свалиться, если бы русская армия не поддержала революционную демократию. От вопроса — на какую чашу весов бросить свой меч даже один только гарнизон Петрограда, зависели в тот незабываемый день судьбы русской революции. И в этом напряженном ожидании в кабинет, где заседал Совет старейшин Гос[ударственной] думы, ворвался депутат с криком: — Войска идут!

Двадцать пять тысяч вооруженных солдат шли к Таврическому дворцу. Для чего? Для того, чтобы не оставить, по приказу царя, камня на камне от крамольного гнезда, или для того, чтобы принести благую весть освобождения народа и раскрепощения армии? Не от кого было ждать ответа. Он приближался оттуда, с гулом солдатских шагов и везомых пушек.

В этот момент высшего напряжения нервов и чувств, когда в души засевших в Думе горсти депутатов стало заползать леденящее сомнение — на крыльцо Таврического дворца к подходившим войскам выскочил худенький человек, бледный как смерть, без шапки. Это был А. Ф. Керенский. Войска подошли...

— Товарищи!

Загадки больше не было. Тяжелые сомнения ушли, и громовое ура потрясло души людей великой радостью. Дело революции было выиграно. Не от того, конечно, оно было выиграно, что Керенский выбежал к солдатам. Но не знал же этот маленький саратовский адвокат, что его ждет на крыльце — красное ли знамя или штыки царских солдат. С самопожертвования он начал революцию, и этот тяжелый крест несет на себе до сих дней.

VIII

2 марта 1917

2 марта Керенский явился на заседание только что сконструированного Совета рабочих депутатов². Попросив слова для внеочередного заявления, он стал на стол и произнес следующую речь:

«Товарищи, я должен сделать вам сообщение чрезвычайной важности. Товарищи, доверяете ли вы мне? (Возгласы: Доверяем). В настоящий момент образовалось временное правительство, в котором я занял пост министра юстиции. (Бурные аплодисменты, возгласы bravo!) Товарищи, я должен был дать ответ в течение 5-ти минут, и поэтому не имел возможности получить ваш мандат до решения моего вступления в состав Временного правительства.

«Товарищи, в моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из моих рук (Бурные аплодисменты и возгласы: правильно!).

«Я принял сделанное мне предложение и вошел в состав Временного правительства в качестве министра юстиции. (Новый взрыв аплодисментов.)

«Немедленно по вступлении на пост министра я приказал освободить всех политических заключенных и с особым почетом препроводить из Сибири сюда, к нам, наших товарищей-депутатов, членов с.-д. фракции 4-й Думы и депутатов 2-й Думы. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.) Освобождаются все политические заключенные, не исключая и террористов.

«Я занял пост товарища министра юстиции³ для созыва Учредительного собрания, которое должно будет, выражая волю народа установить будущий государственный строй. До этого момента будет гарантирована полная свобода пропаганды и агитации по поводу формы будущего государственного устройства России, не исключая и республики. (Бурные аплодисменты.)

«Ввиду того, товарищи, что я принял на себя обязанности министра юстиции до получения от вас на это полномочия, я слагаю с себя звание товарища председателя Совета рабочих депутатов. Но для меня жизнь без народа немислима, и я вновь готов принят от вас это звание, если вы признаете это нужным. (Возгласы: просим!)

«Товарищи, войдя в состав Временного правительства, я остался тем, чем был — республиканцем. (Шумные аплодисменты.) В своей деятельности я должен опираться на волю народа. Я должен иметь

в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе? (Бурные овация. Возгласы: верим!) Товарищи, я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне — убейте меня! (Новый взрыв оваций.)

«Я заявлю Временному правительству, что я являюсь представителем демократии, что Временное правительство должно особенно считаться с теми мнениями, который я буду отстаивать в качестве представителя народа, усилиями которого свергнута старая власть. (Аплодисменты. Возгласы: Да здравствуешь министр юстиции!)

«Товарищи, время не ждет. Я призываю вас к организации, дисциплине. Прошу вас поддержать нас, ваших представителей, готовых умереть во имя интересов народа и отдавших ему всю свою жизнь. Я полагаю, что вы не осудите меня и дадите мне возможность провести все необходимые гарантии свободы до созыва Учредительная собрания».

«Товарищи, позвольте мне вернуться к Временному правительству и объявить ему, что я вхожу в его состав с вашего согласия, как ваш представитель». (Бурные овации. Возгласы: Да здравствует Керенский! Все встают со своих мест, подхватывают на руки Керенского и из зала общего собрания Совета рабочих депутатов несут его в кабинет Исполнительного комитета.)

Это была первая речь министра юстиции Керенского. Накануне этого дня в Таврический дворец явился бледный, с трясущейся нижней губой, Протопопов и отдал себя в руки Керенского. Старая Россия сдалась новой. А на завтра Керенский принял власть от того, кто один может давать ее — от русского народа.

IX

В Министерстве юстиции

Социалист и республиканец Керенский, вошедший во Временное правительство, как связующее звено между верхами и демократией, занял в кабинете место министра юстиции. Ему, «совести народа», неустанно боровшемуся за измученную правду, народ вручил и судьбу своих недругов, и свое правосудие. 4 марта вступил А. Ф. Керенский в управление Министерством. Чего ждали от него те осунувшиеся, потерявшие люди, что сидели в павильоне Таврического дворца и в Петропавловской крепости? Чего могли ждать царские министры от Керенского — министра народного гнева?

Конечно, казней, бесславной смерти. Ибо слишком тяжела была их вина, чтобы в этом мире нашлось для них прощение. Но Керенский их не казнил.

«Товарищи, — обратился он с трибуны Екатерининского дворца к гражданам и солдатам, — товарищи! В моем распоряжении находятся все бывшие председатели совета министров и все министры старого режима. Они ответят, товарищи, за все преступления перед народом, согласно закону».

Зал ответил криком:

— Казнить их.

Это был голос народного гнева. Ему ответил голос народной совести, несущий мир всему миру — голос А. Ф. Керенского:

«Товарищи, свободная Россия не будет прибегать к тем позорным средствам борьбы, которыми пользовалась старая власть. Без суда никто подвергнут наказанию не будет. Всех будет судить народный гласный суд».

6 марта Керенский издает указ об амнистии⁴ — ибо революция хочет видеть своих верных сынов свободными, в освобожденной стране. Помимо этого общего указа об амнистии были еще раньше, 2 и 3 марта, особыми указами возвращены из ссылки члены Гос[ударственной] думы Петровский, Муранов, Бадаев, Шагов и Самойлов и «бабушка русской революции» Екатерина Брешко-Брешковская. Амнистия распространилась не только на политических: были сокращены сроки заключения лицам, содержащимся под стражей по приговорам судебных мест за общеуголовные деяния и находящимся в бегах, в случае их добровольного возвращения⁵.

11 марта была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных действий бывших министров и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так и военного и морского ведомства.

12 марта — светлая дата в истории русской юстиции. В этот день Керенский подписал указ об отмене смертной казни. Миновал тяжелый кошмар, сотни лет давивший Россию; народ не захотел больше крови — даже крови своих злейших врагов. Этот день был, вероятно, отмечен радостью и в казематах Петропавловской крепости, где ждали народного суда Штюрмер, Протопопов, Щегловитов и Сухомлинов.

17 марта были отменены розги для ссыльнопоселенцев и арестантов⁶.

20 марта пала последняя твердыня старой России: были отменены вероисповедные и национальные ограничения.

25 марта был заложен первый камень строительства нового суда: была образована комиссия «для восстановления основных положений судебных уставов и согласования их с происшедшей переменой в государственном устройстве и об учреждении временного высшего дисциплинарного суда».

Выше перечислены только наиболее яркие акты, являющиеся крупными этапами в законодательном творчестве министерства Керенского. Общее же количество изданных им приказов и актов неизмеримо больше. Керенский как будто торопился творить, торопился внести новую жизнь в храм правосудия, оплеванный и поруганный владычеством царских приспешников.

Х

Керенский — военный министр

4 мая колесо русской революции сделало новый оборот: военный и морской министр Гучков не мог справиться с тяжелой ношей, возложенной на него народом, и вышел в отставку. Военным и морским министром был назначен Керенский.

Момент был устрашающий. Армия находилась на краю разложения и расстройств. Железная дисциплина, сжимавшая армию тяжелым, но крепким обручем пала. На ее месте не была еще создана новая внутренняя спайка. Доверие между солдатами и офицерами было разрушено. Солдаты, утомленные трехлетним сидением в окопах, уходили с фронта. На Северном фронте собирались грозные тучи.

В это время взял на себя нечеловеческий труд управления военным и морским министерством Керенский. Он бросился тотчас же на фронт, чтобы силой слова поднять упавший дух, чтобы речами поднять побороть и усталость, и страх, и нарушенное душевное равновесие серой солдатской массы. Многим, казалось, что труд этот напрасный и что тщетно жжет себя без остатка Керенский в вечных поездках, в пламенных речах.

Но случилось чудо! Слово победило дело, и разрушительная работа на фронте темных сил была парализована «стихотворениями в прозе товарища Керенского» — как язвительно называли злопыхатели и пессимисты речи военного министра.

Вступив в исполнение обязанностей военного и морского министра, Керенский отдает 5 мая следующий приказ по армии и флоту:

«Взяв на себя военную власть государства, объявляю: Первое — отечество в опасности и каждый должен отвратить ее по крайнему

разумению и силе, невзирая на все тяготы. Никаких просьб об отставке лиц высшего командного состава, возбуждаемых из желания уклониться от ответственности в эту минуту, я поэтому не допущу. Второе — самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры) должны вернуться в установленный срок 15 мая. Третье — нарушившие этот приказ будут подвергнуты наказаниям по всей строгости законов».

Медленно и тяжело, в муках рождалась новая русская армия. Нужно было вытравить дух рабства, инертности и безволия, привитый долгими годами железной дисциплины царского кулака. Нужно было зажечь в расштатавшемся организме волю к новой жизни, к свободе и наступлению. Ибо только наступлением можно взять свободу.

«Товарищи-крестьяне, — обращается Керенский к крестьянскому съезду⁷, — я пришел сюда в самый прекрасный, но и в самый тяжелый момент русской истории. Я пришел сюда как военный и морской министр. (Бурные аплодисменты.) Наша задача, задача временного правительства, по воле русского народа и вместе со всем народом спасти все то, что нам дам дала русская революция, землю и волю. (Бурные аплодисменты.) Русский народ и русская демократия уже поняли, что вопрос земли и вопросы социального благополучия масс неразрывно связаны между собою. Вы все приехали сюда из далеких концов России. Ваш голос — это истинный голос земли. Хотите ли вы, чтобы все завоевания революции, которые в ваших руках, остались на всегда с вами? Для этого вы должны оставаться на высоте своего долга. Вы должны показать всему миру, что мы можем не только разрушать, но и созидать в период этой великой революции. Вы должны помнить, что заодно с нами наши старые учителя, они все (Керенский указывает рукой в сторону президиума).

Товарищи солдаты, матросы и офицеры! Я вас зову на последний подвиг. Я ваш последний слуга. Покажите, что русская армия — это не рассыпанная храмина, это не собрание людей, которые не хотят ничего делать, а огромная грозная сила, которая сумеет заставить уважать себя и отстоять свободную демократическую российскую республику. Покажите, что Россия не страна самодержавных проходимцев, а дружная семья свободных людей, которые сумеют отстоять свою свободу и право.

Товарищи! Я никогда не был в военной среде. Многим, может быть, покажется странным, что я, чуждый военному делу, взял на себя специально военный задачи. Но я их взял и, надеюсь, выполню. Я намерен установить железную дисциплину в армии. Я уве-

рен, что мне это удастся, ибо это дисциплина будет дисциплиной долга перед родиной, дисциплина долга чести и ее цель — оградить права русского народа, независимость и внутреннюю свободу. Мы должны во что бы то ни стало довести страну сильной и свободной до Учредительная собрания, которое своей суверенной самодержавной властью даст русскому трудовому крестьянству то, к чему оно стремилось веками — землю.

Я уверен, что совет земли русской, представителей трудового крестьянства, положит на весы свою тяжелую мозолистую руку и скажет, что он не хочет повторять печальных событий 1905 и 1906 годов, когда вся земля уже, казалось, была в наших руках, но ускользнула из них, потому что в стране воцарилась анархия. Разъединение в нашей стране довело тогда до того, что господствующие классы бросились в руки государственного анархиста, ярого врага демократии, Столыпина. Не повторяйте этих ошибок. Будьте осторожны и не верьте безответственным лозунгам, ибо они могут легко привести вас к пропасти. Верьте тем, кто всегда был с вами, и во время мрачного самодержавного режима никогда не боялся говорить правду своим врагам.

Я намереваюсь вскоре выехать на фронт. Позвольте же мне сказать там, в окопах, что русское крестьянство хочет земли и воли и никому их не отдаст. Позвольте мне также сказать, что каждый солдат должен оставаться там на своем посту и исполнить свой долг до конца».

И Керенский сказал в окопах про волю крестьян, про волю всего русского народа, про свою волю. Вот какие огненные слова бросает он съезду делегатов Румынского фронта в Одессе, 15 мая:

«Наш общий лозунг — свобода, равенство и братство. Наш девиз — вперед во имя свободы, равенства и братства. Товарищи, три месяца тому назад кто из нас мог подумать, что свобода так близка. Кто из вас в самой глубине сердца не чувствовал, что гибнуть надежды под проклятой пятой самодержавия? Но были ли мы тогда малoverны? Не думали ли мы, что русскому пароду не дано совершить подвига освобождения? Но свершилось чудо, созданное не отдельными людьми, а кровью и страданиями поколений. Мы получили возможность не только свергнуть самодержавие, но из эпохи азиатского деспотизма мы перешли к самому свободному строю. Если это свершилось, если школа самодержавия научила нас ненавидеть всякое насилие, откуда бы оно ни шло, то, конечно, товарищи, никто из вас не подумает, что этого конца мы достигли, мы, люди сегодняшнего дня. Нет, мы только собрали жатву на паш-

не, не нами засеянной, политой кровью лучших людей и тех, кто 2 1/2 года проливает кровь. Не нам этой жатвой распорядиться. Наша обязанность — оказаться достойными наследства, которое так неожиданно упало нам в руки. Мы только хранители клада России, клада государства, не государства насилия, а государства, которое будет жить идеями труда, идеями социалистов. Перед нами великая картина культурного творчества, перед которой мы должны замереть в восторге. Быть может, мы начинаем новую эру всего мира. На первый план появляются черноземные силы народа, которые до сих пор были скрыты песком. Вы должны дать себе отчет во всем этом. Я приехал к вам сказать правду, как представитель революционной части народа, которая должна охранять этот клад. Я приехал к вам и как ваш старый товарищ, солдаты, матросы, рабочие, офицеры и все честные граждане.

Что мы должны думать сейчас? Должны ли мы думать о разногласиях? Должны ли мы выдвигать партийные программы? Должны ли мы думать о том, чтобы быть сытыми, обутыми, одетыми? Нет, мы должны понять, что революционный гражданин это высокое звание, но оно не дает ничего для того, чтобы устроить домашний уют. Еще недавно большинство падало духом. Казалось, старый царизм не только разрушил экономическое устройство, но развратил и опоганил русскую душу. Казалось, века бесправия выели из души сознание долга. По эти два месяца показали, как из гнили, которая поднялась и хотела нас задушить, все ярче показывается здание русского государства. Эти два месяца заставили тех, кто в русском народе видел рабов, пасть ниц.

Почему мы, выходцы из привилегированных классов, идем к трудящимся? Потому, что в нашей душе живет вера, что только труд создает подлинных граждан. Только в трудящихся массах приучаются ближайшем видеть человека. Мудрость труда в том, что он кует граждан, несмотря на ошибки масс, на кажущийся хаос. Мы шли к ним и там почерпали мудрость.

За эти два месяца раздался великий лозунг, который охватил всех. Прежде чем вступить в борьбу, нужно приготовить место для этой борьбы, нужно создать арену политической борьбы, т. е. государство. Оно должно быть построено на сильных устоях преклонения перед человеком и его трудом.

Мы пережили период разрушения. Теперь мы должны понять, что еще раз пережить такой период невозможно. На путь творчества мы должны вступить стройными рядами революционных солдат, — на фронте и в стране.

Пусть каждый из вас продумает прошлое и найдет в себе достаточно совести и чести, — совести и чести революционного гражданина, чтобы от всего личного отказаться.

У русской демократии два фланга. Но нам грозить один фланг, серьезная сила, — те люди и классы, которые солидарны в ненависти к новому строю. Они знают путь, по которому можно уничтожить русские свободы. Они достаточно умны, чтобы понять, что провозглашением царя ничего не сделаешь, что не найдется штыка или пашки за них. Но они идут другим путем, обманным, скользким, проклятым. Они идут к голодной массе, развращенной старым режимом, и говорят ей: требуйте всего сейчас немедленно. Они шепчут слова недовольства к нам, всю жизнь положившим на борьбу с царизмом. Есть идеалисты, которые смотрят слишком в небо, которые влекут нас в бездну анархии. Мы должны сказать им: Остановитесь. Не расшатывайте устои нового строя.

Мы говорим им: легко критиковать, легко разрушать, но не этого требует революция от своих сынов. Она требует государственного разума, она требует, чтобы не играли людской усталостью, людской отупелостью от старых лет.

Я не говорю вам только приятное. Я приехал по долгу человека, ответственного за судьбы государства и идей, которым я всю жизнь служил. Мы имеем право говорить правду, и надо уметь слушать ее, все, что мы завоевали, поставлено на карту, и если русский народ, особенно русская армия, не найдет мужества надеть на себя стальную броню дисциплины, то мы погибнем. Нас будут презирать тогда весь мир. Но это не важно. Нас будут презирать те идеи, во имя которых мы совершили революцию. И этого мы допустить не желаем. Вы самая свободная армия в мире, а если так, то ваши права накладывают на нас такие обязанности, каких никто не имеет.

Хотите ли вы, чтобы после войны сторонники германской системы кнута сказали: вот, русская свобода показала, что значит свободная армия! Только насилием можно править и побеждать! Вы должны это опровергнуть. И если вы этого не сделаете, то проклянут вас поколения. Мы не шутки собрались играть. Вспомните французскую революцию. Она была беспощадна ко всем, кто мешал ей справа и слева. Но мы не хотим повторять кровавых уроков, мы отменили смертную казнь. Наши враги сами идут к нам, ибо с нами свободный человек.

Но то, что говорили здесь, убедило меня, что вы сами понимаете долг. Я пришел к вам не для того, чтобы краснеть за русскую

революцию, а затем, чтобы броситься вперед во имя свободы, равенства и братства».

Выражая волю русского народа, Керенский суров с малодушными и маловерными. При встречах с ними его голос звучит сталью и гневом.

Керенский посетил один из заамурск[их] полков. Заамурцы встретили министра, выстроившись среди поля и взяв винтовки на караул, с красными флагами, на которых было написано: «Долой войну!» и нарисованы руки для рукопожатия. А. Ф. Керенский, обойдя строй и не поздоровавшись с полком, велел вызвать исполнительный комитет и командира полка.

«Почему полк не выходит на занятия? — сурово спросил министр председателя комитета. — Что значат эти плакаты?»

Тот поспешил объяснить, что полк желает, чтобы был заключен скорее мир, ибо все устали от войны, измучились; кроме того, они не желают иметь командиром полка недавно назначенного полковника, которого никто не знает, и хотели бы иметь командиром одного из своих офицеров, которого все любят и которому доверяют.

«Вы хотите заключения мира, — произнес Керенский, — но знаете ли вы, что такой мир был бы теперь позором для России, смертью свободе! Это говорит вам не Сухомлинов, а я, Керенский. Мне стыдно, что в русской армии я встретил такой полк».

Председатель комитета и солдаты были сильно смущены. Из солдатских рядов раздались восклицания: «Позор, убрать флаги!». Плакаты с надписями «долой войну» немедленно исчезли.

«В таком случае, — заявил Керенский, — если будет командиром полка назначено то лицо, которое вам желательно, даете ли вы мне слово, что ваш полк будет самым храбрым полком на фронте и во время наступления пойдете впереди всех?». В ответ раздалось единодушно: «Даем! Даем!».

«Господин главнокомандующий, — обратился тогда к А. Брусилову Керенский, — ходатайствую перед вами о назначении командиром полка (он назвал фамилию). Я даю слово, что этот полк по первому приказанию пойдет в бой впереди всех».

Раздались громкое «ура», клики: «да здравствует свобода!», «да здравствует товарищ Керенский».

«Вы слышали, что я дал за вас слово? Вы не сделаете меня лгуном?».

«Не сделаем! Ура!» — был ответ. «Так давайте мириться, товарищи», — закончил министр, — и расцеловался с председателем комитета и командиром полка.

Керенский стоит на страже народной чести. Когда германский главнокомандующий сделал гнусную попытку соблазнить русский

народ сепаратным миром и отправил на имя петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов известную всем радиотелеграмму — Керенский дал на нее в новом приказе по армии и флоту следующий благородный ответ:

«22-го мая наши радиотелеграфные станции приняли германскую радиотелеграмму, в которой главнокомандующий германским восточным фронтом принц Леопольд Баварский заявляет, что воюющие с нами державы готовы заключить мир и предлагают России, помимо союзников, прислать уполномоченных и представителей для переговоров об условиях мира».

В ответ на эту попытку вождя армии Вильгельма и его родственника внести сомнения в ряды наших революционных войск, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов издал следующее воззвание: «Германский главнокомандующий восточным фронтом обратился к нашим войскам с провокационным призывом. Что предлагает революционным войскам свободной России генерал германского императора? Он говорит, будто предлагает нашим войскам то, чего они жаждут и ищут — путь к честному миру. Так говорит он, ибо знает, что иного мира, кроме честного, российская демократия не примет. Но честный для нас мир — лишь мир без аннексий и контрибуций, а что понимает под честным миром генерал германского императора, — об этом красноречиво говорить его молчание. Германский главнокомандующий говорит, будто он укажет нашим войскам путь к прекращению военных действий без разрыва с союзниками. Так говорит он, ибо знает, что открытое предложение сепаратного мира германским императором наши революционные войска отвергли с негодованием. Но что, кроме сепаратного мира, предлагает нам генерал германского императора? Сепаратное перемирие и тайные переговоры с командующими немецкими войсками на восточном фронте. Германский главнокомандующий говорит, что сепаратное перемирие не представляет выгод для Германии. Правда ли это? Пусть ответит на этот вопрос радиотелеграмма германского генерала, ибо он не пустился бы на провокацию, если бы продление сепаратного перемирия не входило в планы германского Генерального штаба. Германский главнокомандующий говорит о бездействии его армии на нашем фронте, но он забыл о том, о чем помнит Россия, — он забыл о Стоходе, он забыл о том, что русские войска знают, куда уведены с нашего фронта германские дивизии и тяжелые батареи, он забыл, что России доносится шум кровопролитных боев на англо-французском фронте, он забыл, что Россия знает, что разгром союзников будет началом разгрома и ее армии.

А разгром революционных войск свободной России — это не только новые братские могилы, но и гибель свободы, гибель России. Мимо провокаторских ловушек германского Генерального штаба! Революционная демократия России своим путем идет к своей цели — всеобщему миру. Она идет к этой цели, призывая на борьбу за мир всех трудящихся, всех угнетенных. Ее союзники в этой борьбе — друзья Фридриха Адлера, приговоренного к смерти австрийскими судьями, Карл Либкнехт, Ледебур, Гаазе, стойко борющиеся с империалистическими кругами Германии, теми кругами, которым служит германский Генеральный штаб. Ее союзники — трудящиеся Англии и Франции, выступившие против завоевательных стремлений своих господствующих классов. Россия взяла на себя задачу объединить демократию всех воюющих стран в борьбе против всемирного империализма. Эта задача не будет исполнена, если германские империалисты сумеют использовать ее стремление к миру в целях отторжения ее от союзников и нанесут поражения ее армии. Революционная демократия России через международную социалистическую конференцию, путем прямого обращения созданного ей правительства к правительствам союзных стран, прокладывает человечеству путь к миру. Пусть армия своей стойкостью придаст мощь голосу российской демократии, как перед союзными, так и перед воюющими с Россией странами, революционные войска свободной России на провокацию германского Генерального штаба могут дать лишь один достойный ответ: Теснее сплотитесь вокруг знамени революции удвойте энергии в дружной работе воссоздания боевой мощи России. Помните — не для завоеваний нужна эта мощь России, для защиты ее свободы, для борьбы за всеобщий мир. Так отвечает русская революционная демократия лукавым слугам Вильгельма».

Титаническая работа Керенского дала плоды. 5 мая он вступил на пост военного министра, шесть недель он объезжал фронт, ободрял ослабевших, клеймил трусов, зовя «броситься вперед, к свободе равенству и братству». И 18 июня Россия была потрясена великой радостью.

«Русские войска перешли в наступление, — гласила телеграмма с фронта. — Керенский идет впереди войск». Вот что говорилось в следующей телеграмме:

«Действующая армия. 17, VI, 10 час. 50 мин. А. Ф. Керенский прибыл на фронт с целью воодушевить войска.

Перед началом активных действий вчера, 16-го июня, министр прибыл в Тернополь, откуда в автомобилях вместе с командующими армиями поехал на фронт.

Объезд министром частей войск затянулся вчера до 2-х часов ночи. По условиям военного времени нельзя наименовать название частей, которые посетил министр. Их было много. Керенский говорил войскам, что наступил наконец час, когда должна решиться судьба России. Если наступление не удастся, то противник убедится тогда в нашей слабости. Говоря перед полком, который отказался идти в наступление, Керенский воскликнул:

— Вам нужна власть самодержавия, чтобы заставить вас защищать родину!

В ответ войска дали клятву умереть за свободу и сейчас же выступили на позицию.

Во время посещения Керенским окопов ночью под проливным дождем солдаты носили его на руках. Сегодня Керенский прибыл в полевой штаб, расположенный в нескольких верстах от позиции. Затем вместе с генералами Г. и Д. он отправился на наблюдательный пункт, откуда прекрасно видна подготовительная работа наших батарей. А. Ф. Керенский заявил, что он в восторге от работы наших артиллеристов.

Поезд Керенского остановился в нескольких верстах от позиции, в районе батарейного огня.

Действующая армия. 18, VI, 7 час. утра. Сегодня на рассвете А. Ф. Керенский после ночного объезда по позиции прибыл в штаб одной из ударных армий, затем вновь уехал в окопы.

Керенский призывает войска исполнить великий долг перед родиной. В окопах, под огнем неприятельских батарей, происходили трогательные сцены братанья министра с солдатами. Революционные войска горят воодушевлением, готовы по первому призыву ринуться в бой.

Присутствие в рядах передовых бойцов Керенского, вызывает энтузиазм».

Керенский один двинул силой своего гения, огня и темперамента русскую армию. Этого никогда не забудет русская революция. Россия и весь мир. Отныне Керенский принадлежит истории.

ХІ

Личность Керенского

Каков же он с виду, этот саратовский адвокат, с неслыханной силой поднявшийся на вершины революции и поднявший туда русский народ? Герой с античным профилем, с зычным голосом и эффектными жестами?

О, нет. Этого у Керенского не найти.

Керенский не только сам горит, — он зажигает все кругом священным огнем восторга. Слушая его, чувствуешь, что все ваши нервы протянулись к нему и связались с его нервами в один узел. Вам кажется, что это говорите вы сами, что в зале, в театре, на площади нет Керенского, а это вы перед толпою, властитель ее мыслей и чувств. У нее и у вас одно сердце, и оно сейчас широко, как мир, и, как он, прекрасно. Сказал и ушел Керенский. Спросите себя, сколько времени он говорил? Час или три минуты? По совести вы ответить не в силах, потому что время и пространство исчезли. Их не было. Они вернулись только сейчас.

Он красноречив? Нет. Часто его фразы не подают руки одна другой через беспорядочные и неожиданные паузы. Захватывающий его порыв заставляет перескакивать от одной идеи к другой, которая ярким калейдоскопом, со страшной быстротой вращаются в его воображении. Иногда ему некогда схватить эти вспышки магия. И он сам жмурится перед ними. Случаются периоды незаконченные. Он бросил мысль. Ему некогда продолжить ее. Наплывают другие, которых нельзя упустить. Но все равно вы поняли, за отделкой он не гонится. Бывают повторения, когда вдруг оборвется нить, и новый факел еще не вспыхнул во мраке. Полное отсутствие рисунка и задуманности. Но в каждом звуке бьются учащенные, сильные пульсы... иногда до боли, отражающейся судорогой в его лице. Какому рисунку, какой схеме поддается взрывчатое полымя пожара, — а тут ведь перед вами раскрывается вулкан и в кажущейся неправильности, без ритма и последовательности, выбрасывает снопы всепоглощающего огня. Лицо его, такое обыкновенное, серое, часто замученное, утомленное, делается прекрасным и завоевывает, потому что на нем сквозь багровые отсветы убийственных анафем вдруг мелькнет детская улыбка, трогательное выражение всепрощающих глаз.

И, уловив это, вы понимаете, что, один из вождей революции, он мог и должен был отказаться от самого страшного ее оружия — смертной казни. Он свято верит в человека, поэтому и человек верит ему. Он любит благородство, ищет его и находит в каждой душе, и каждая душа делается чище, открываясь его призыву. Это — рукопожатие душ, столь сильное, что в нем задохнутся всякая подозрительность, сомнение, колебания, и вы очертя голову пойдете за ним, куда бы он вас ни повел.

Ему несносна всякая преграда между ним и его слушателями. Он хочет быть весь перед вами с головы до ног, чтобы его от ауди-

тории отделял только воздух, сплошь пронизанный его и вашими обоюдными излучениями невидимых, но могущественных токов. Поэтому он знать не хочет кафедры, трибуны, стола. Он выйдет из-за кафедры, вскочит на стол, и когда оттуда протянет к вам руки, — нервный, гибкий, пламенный, весь в трепете охватившего его молитвенного восторга, — вам кажется, что он касается вас, берет этими руками и неудержимо влечет к себе.

Вы спросите: это талант? Нет, больше таланта! Темперамент? Нет, выше темперамента. Это, повторяю, неукротимая и ненасытная вера в вечную и всемогущую правду свободы. Безумие мученического преклонения перед ее священными обетованиями. Порыв такого стремительного центробежного чувства, который равен только молнии, если бы у молнии были мысль и сознание, куда надо ударить и что поразить. Такой экстаз возносится порой к царству смерти, и только она одна может поставить к нему красную точку.

Вы идете за ним, потому что ни на минуту не усомнитесь: если он зовет вас на подвиг, то и сам будет впереди, принимая на свою впалую грудь, узкие и слабые плечи все удары недобитого чудовища злобной стари. Послушайте, когда он говорит о врагах свободы, вытягивая вперед хилую руку. Вам чудятся в ней снопы таких молний, от которых невольно жмуришься. А его проклятия трусам и малодушным? Они выжигают в тайниках души зародыши подлости и предательства. Иногда, как последний удар, он заносит над вами: «Все слова сказаны, наступило время великой кары», — и вы понимаете, что он поднимет любую палицу, как бы она тяжела ни была, чтобы разбить железный череп реакции.

На единоборство со стоголовой, ядовитой гадиной он выходит за прикованный к утесу поработанный народ. За этого сермяжного Прометея он померялся бы с Зевсовым орлом, но, победив, не растерзал бы его, а тоже отдал свободе. «Живи!»

И в этом его великая слабость.

Будь он беспощаден, я бы его назвал щитом раскрепощенной России.

Кто-то в его облике подсмотрел черты Наполеона.

Какое оскорбление самоотверженному трибуну свободы! Самодовольный корсиканец, воспользовавшийся ей как цоколем для своего личного величия, этот коренастый и холодный бухгалтер переворота, подсчитавший его в свою пользу, — и Керенский! Наполеон раз вышел на Аркольский мост⁸. Это было экзаменом будущему императору. Он сдал его блестяще, чтобы потом уже

не повторять таких опытов. Керенский всю свою политическую жизнь стоит на Аркольском мосту, и если бы такой Наполеон попался ему в руки, он, наверное, запер бы гениального хищника в застенки Петропавловской крепости...

Благородному бойцу свободы не грезятся короны и горностаевые мантии. Его широкой душе тесно в этих пышностях народной муки. Он отдает себя всего, требуя взамен такого же самоотверженного подъема для обездоленного отечества. Он не щадит себя. Изумляешься, где он, тщедушный, измученный, ломкий физически, как тростник, берет неисчерпаемую силу для работы, который не выдержал бы любой атлет!...

Да, Керенские умирают за свободу, но не взнуздывают ее под свое седло... Они — ее знаменосцы, а не палачи.

Трибун, а не кондотьер.

И да будет стыдно тем, которые в его облике подсмотрели черты Наполеона.

